

**Виталий Каплан
И СИЛУЭТ СОВИНЫЙ**

Виталий Каплан

И силуэт совиный

«Автор»

2012

Каплан В. М.

И силуэт совиный / В. М. Каплан — «Автор», 2012

Середина нашего века. Россия давно уже раскололась на три части — Московскую Федерацию, Уральский Союз и Республику Сибирь. В Московской Федерации торжествует либеральная идеология, ей сопутствуют гонения на Православие. Гонения не такие, как в прошлом веке — без расстрелов и тюрем. Просто социальный остракизм, запреты на профессию, ювенальный прессинг на верующих родителей... На этом фоне разворачивается церковно-политическая интрига спецслужб, в центре которой оказывается обычный прихожанин Александр. Удастся ли ему не сломаться? Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 2012

© Автор, 2012

Содержание

1.	5
2.	8
3.	11
4.	14
5.	18
6.	21
7.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виталий Каплан

И силуэт совиный

1.

Закат почти догорел, солнце свалило за горизонт и оттуда подсвечивало багрянцем гряды рыхлых облаков – словно остывающие угли костра.

Пронзительно пахло сосновой хвоей – стена древнего леса подступала едва ли не вплотную к монастырю. Грибов, наверное, здесь полно, – подумал я не к месту. Кладовые монастырские, небось, уставлены кадушками с маринованными опятами, солеными груздями, а уж тем более рыжики...

Впрочем, не до грибов сейчас, брат Сашка, – сказал я себе и обвел строгим взглядом собравшихся. Видно было не очень – света из высоких, закруглённых овалом окон явно не хватало, а пламя настенных факелов разгоняло тьму очень избирательно. Тем не менее, я разглядел всех четверых. Приземистая, плотная фигура отца-наместника, архимандрита Василия. Будь он покрупнее – сравнил бы его с медведем, но тут скорее подходит барсук. Отец-келяр, иеромонах Максим, скорее смахивает на лису – худенький, вёрткий, лицо бледное, длинные тонкие пальцы бессознательно теребят складки рясы. Отец-смотритель, иеромонах Анатолий, вылитый волк – сухой, поджарый, и сразу заметно, что не всегда он рясу носил. А стоящий у входа брат Никодим – тот и взаправду медведь. Подковы, небось, руками гнёт. И голос лесному хозяину подстать...

Небогоугодное, конечно, дело – сравнивать со зверями людей. Тем более, честных иноков. Но моя натура берёт своё, и хотя на каждой исповеди я каюсь в грехе насмешничества, толку ноль.

– Помолимся кратенько, братья, – предложил я. Мы чуть ли ни синхронно перекрестились на образа у дальней стены, спели «Царю небесный» и «Богородице Дево». На большее и впрямь не было времени.

– Брат Александр, – осторожно начал наместник, когда мы вновь опустились на скамьи, – не томи уже. Почему Защита обратила взор на наш Свято-Георгиевский монастырь? Ничем, по правде сказать, не примечательная обитель. Живём в лесу...

– Молимся колесу... – инстинктивно выдал я. – Прости, отче. Само вырвалось. А насчёт обители, сразу успокою: у Защиты к вам никаких претензий. Дело вот в чём... Слышали ли вы о некоем страннике, который бродит в здешних краях, в Среднем Криволесье, и смущает своими речами тёмный народ? Сам он называет себя Философ, а настоящего имени мы пока не знаем.

– Какие-то смутные слухи, вроде, ходили, – задумался отец наместник, – но ничего определённого сказать не могу. В ближайшие к нам сёла этот Философ не забредал, на исповедях местные крестьяне тоже в сношениях с ним не каялись... А что, дело серьёзно?

Остальные тоже помотали головами: мол, ни сном, ни духом.

– Сам посуди, отец Василий, – усмехнулся я, – будь оно несерьёзно, потащился бы я к вам за триста миль? И не только к вам – у меня по плану ещё семь обителей в здешних землях. Вот сейчас поговорим, вы, братья, по кельям на перины, а мне в бричку, и ночной дорогой в Листопады... к рассвету и доберусь, если всё как надо сложится.

– Разбойников не боишься, брат Александр? – прогудел медведь-Никодим. – Слыхивал я, шалят. Поменьше вроде, чем при покойном базилевсе – государь Иннокентий хвосты им прикрутил, но бывают случаи...

– Не боюсь, брат, – успокоил его я. – Мне как мирянину оружие дозвоительно, а навык имеется. Но не про то разговор. Мы о Философе. Так вот, появился этот человек сравнительно недавно, года ещё не прошло с появления первых слухов. Он ходит по городам и сёлам Империи, стоит ему где остановиться – и вокруг него собираются слушатели. Учит же он вещам довольно странным. Напрямую не посягает на святыне догматы, но проповедует так называемое Возвращение. Дескать, все мы должны опомниться, осознать истину и вернуться туда, где наше подлинное место, куда нас поставил Господь. Его, разумеется, спрашивали, где находится это «подлинное место», но Философ отвечал уклончиво. Собственно, ответ сводился к тому, что сперва нужно вспомнить себя, и тогда уже ясно станет, куда именно возвращаться.

– А как надлежит вспоминать себя? – заинтересовался лисообразный отец Максим.

– Вот это-то самое любопытное, – заметил я. – По словам Философа, для этого следует отрешиться от всех дел и забот, скрыться от окружающих и просить Господа о пробуждении. И всё это было бы простой глупостью, очередной пустой ересью, кабы не одно занятное обстоятельство. Занятное и, если уж прямо говорить, жутковатое.

– От его речей люди отвращаются от Христа? – предположил отец Анатолий.

– Кабы всё было так просто... – Я вздохнул. Как они воспримут то, что сейчас скажу? – Некоторые люди, уверовавшие в учение Философа, исчезли. Исчезли в самом прямом смысле – пропали без вести. О судьбе таковых ничего неизвестно, свидетелей исчезновения нет, что и неудивительно – ведь «вспоминать себя» полагается в скрытом, уединённом месте... По нашим данным, с декабря прошлого года по июнь этого всего исчезло сорок три человека. В масштабах Империи, конечно, немного, но и они рабы Божии, и их скорбящие близкие – тоже. Это первое. Второе: никто не знает, сколько еще совратившихся попробует «вернуться в подлинное место». Может, это станет настоящей эпидемией. И третье: есть очень серьёзные подозрения, что в исчезновении этих людей не обошлось без нечистого. Возможно, магия, а возможно, и прямое служение сатане. Уж не принесены ли эти сорок три несчастных в жертву?

– Ничего себе! Матерь Божия, оборони нас! – выдохнул отец-наместник.

– Матерь Божия, конечно, нас не оставит, – согласился я, – но мы и сами должны действовать. Святая Защита одна не справится, нам нужно содействие на местах. Говорю простым языком: Философа нужно опознать и задержать. Придётся вам, братья, пошустрить. С народом пообщайтесь, только остороженько. Выясните, в каких местах видели Философа, куда он направляется. Если что прознаете – немедленно известите наших людей в Охрянице. Я сообщу потом, как именно это сделать. Ну и если этот, с позволения сказать, Философ забредёт на монастырские земли – постарайтесь его задержать своими силами. Я не думаю, что это будет очень сложно.

– Как он выглядит-то хоть? – встревожено поинтересовался отец Анатолий.

– Роста среднего, – начал перечислять я приметы, – телосложения худосочного. Плещив, остатки волос лишь возле ушей. На вид – лет около пятидесяти. Лоб морщинистый, глаза карие, веко на левом глазу иногда непроизвольно дёргается. Одевается просто, как бедный горожанин. Но может и в крестьянском платье быть.

– Говоришь, несложно его взять? – хмыкнул отец Анатолий. – А если и впрямь колдун, если сатана ему помогает?

– А вы, братья, не бугры с горы, а честные иноки, – добавил я строгости в голос. – Вам надлежит не бояться сатану, а силой веры христианской сражаться с ним и с его отродьями. Не мне, мирянину, поучать вас, духовных, что истинная вера сокрушает всю силу вражью.

– Что ж за полгода-то его никто изловить не сумел? – подал медвежий голос брат Никодим.

– Божьи мельницы, как вам известно, мелют медленно, – меня потянуло в сон, пришлось мысленно встряхнуть себя. – Святая Защита не торопится. Сперва мы тщательно изучали вопрос, собирали свидетельства, анализировали их. Вопрос о задержании встал недавно. Так что изловим, брат Никодим, не беспокойся. Возможно, и ты в этом поучаствуешь. Отец Василий, – перевёл я взгляд на наместника, – надеюсь, в случае чего один из ваших подвалов можно будет срочно переоборудовать под темницу? Вот и отлично. Тогда держите свиток, здесь инструкции по связи. А я поеду себе в Листопады, тамошних предупреждать.

– Может, не стоит так-то вот, на ночь? – пожевал губами наместник. – С утра бы и поехал, а ночь, как честные люди, в защищённых стенах провести...

– Рад бы, отче, да не выйдет, – сокрушённо помотал я засыпающей головой. – Совершенно нет времени. Так что благослови, да и отправлюсь потихоньку.

...Мне пришлось растолкать Илюшку, моего слугу, кучера, секретаря и телохранителя. Как говорится, всё в одном. Илюшка прилачился было спать в бричке. Будто я и не предупреждал его о ночной дороге. Восемнадцать лет парню, габаритами вровень с братом Никодимом, но повадками подчас дитя дитём.

Сил ругаться у меня, впрочем, уже не оставалось. Я забрался в бричку, достал на всякий случай взведённый самострел – в обещанных разбойников не верилось, но бережённого ясно Кто бережёт. Илюшка, виновато сопя, взгромоздился на облучок, дёрнул поводья – и Журавль с Синицей, наши ко всему привычные лошадки, тронулись.

Дорога пахла дорогой, ночью, соснами и земляникой. На востоке, из-за чёрных древесных крон, поднималась в бледном желто-розовом сиянии слегка ущербная луна. Пронзительно кричали ночные птицы – горевестники и зверобои, глухо и тревожно ухала сова, но даже это не помешало мне упасть в сон.

2.

Здесь опять была очередь. Каждый раз банкетки все заняты и приходится стоять на своих двоих. Нервно стрекотали люминесцентные лампы на потолке – явно прошлого века. Если приглядеться, наверняка увидишь следы от мух. А вот полы протёрты тщательно – иногда, если мне назначают на после пяти, можно столкнуться с бабкой-уборщицей. Мы, очередь, ей мешаем работать, и она громко высказывается, куда, по её мнению, стоит нас отправить. Рыхлая, пожухлая, но пока что не дохлая. Конечно, её следовало жалеть и помянуть в молитве, но у меня не получалось.

Сегодня бабки не было, и немудрено – талончик у меня на половину двенадцатого. И никого же тут не парит, что в разгар дня, что самое рабочее время. Кстати, приходит нужно не к назначенному часу, а намного раньше. Потому что вызвать могут когда угодно, а не пришёл – значит, прогулял... Будешь возмущаться – в лучшем случае ответят «это ваши проблемы».

Проблемы... те ещё проблемы. Григорьич ругался как актуальный художник, и я вполне сочувствовал бедняге-прорабу. Лето сырое, осень тоже, поплыл фундамент, пока укрепляли, вышли из графика, сдача 20 ноября, отделку хоть убейся веником, а сделай на уровне, каждый человек на счету, а я кидаю такие подлянки. Он, Григорьич, не тухлый – нормальный мужик и всё понимает, но всякому пониманию есть свой предел.

Сейчас тоже лило, оконное стекло иссечено струйками дождя. Зонт я, конечно, забыл. Вечером Лена по этому поводу много чего интересного скажет.

Я пробовал читать, но здесь это невозможно, мысли расплываются. Всё здесь давит на мозги – и стены, грубо выкрашенные масляной краской – зелёный низ, белый верх, и стенды с картинками про толерантность, и запахи. Вот спроси меня, чем именно пахнет – не скажу, а стоит раз вдохнуть – и уже никогда не забудешь. Всё сошлось в этом букете – и пыль, и хлорка из туалета, и люди из очереди, похожие на промокших ворон. Да я и сам такой же, на взгляд стороннего наблюдателя.

– Белкин! – раздалось из динамика над белой дверью. Ну, считай, повезло, не прошло и часа. Прочитав мысленно Иисусову молитву, я вошел в кабинет.

– Добрый день, Антонина Львовна!

Кураторша тряхнула гривой покрашенных волос и милостиво кивнула:

– Садитесь, Белкин.

Я присел на хлипкий стул, стоявший боком к письменному столу. Интересно, а как выдерживает он воистину тяжёлых подопечных?

Антонине Львовне под полтинник, но, похоже, сама она считает, что только-только перешагнула рубеж тридцати. Лицо в косметике, всё как положено стильной современной женщине – и зелёные тени под веками, и лиловая кайма над бровями. На лбу – красное пятнышко размером со старый, вышедший из обращения рубль. Похоже, Антонина Львовна увлеклась какой-то индуистской оккультиной.

– Что скажете, Белкин? – выдержав длинную паузу, произнесла она. И я как-то сразу понял, что ей скучно, что впереди у неё длинный муторный день, что зарплата маленькая, а очередную серию «Тайн парижской любви» она сможет посмотреть только в платной записи – потому что пока доберётся с работы в свой Павлов Посад, или Чехов – без разницы, будет уже десятый час. А главное – её никто не любит.

Ничего нового, короче. И, кстати, ещё не худший вариант. Вот у Лены эта её мадам Жукова – уж крыса так крыса.

– Ничего нового, Антонина Львовна, – я разглядывал кактус на окне. Большой, ухоженный. Наверное, она верит, что кактусы оттягивают на себя вредное компьютерное излучение.

– Работаете всё там же?

– Да, Антонина Львовна, – сказал я. – Компания «Домострой». Строитель-отделочник.

– А ведь программистом были, Белкин, – она скорбно поджала густо накрашенные губы. – В вашем досье написано, что руководили интернет-проектами. Делали полезное обществу дело. И не стыдно? До чего докатились!

– Так это не я докатился, – позволил я себе небольшую дерзость, – это меня докатали.

– И правильно докатали! – прошибить кураторшу было невозможно. – Общество вынуждено защищаться от личностей с ущербным, экстремистским сознанием.!

– Понимаю, – изобразил я лицом сознательность. – Таких не берут в программисты.

– И правильно не берут! Мало ли какую вредоносную закладку в программе сделаете, а потом поезда с монорельсов падают, куры гриппом заражаются. От вас, религиозных фанатиков, всякого можно ждать. Вам же мало вашего конституционного права исповедовать тот или иной религиозный культ в стенах культового учреждения! Вы же проповедовать рвётесь, хотите протащить своё мракобесие в общественные и социальные институты...

Тавтологии она, разумеется, не чувствовала.

– Антонина Львовна, ну не надо так, – вежливо заговорил я. – Да, не спорю, в церковной среде есть разные личности, в том числе и неадекватные. Но они ж погоду не делают. Подавляющее большинство – вменяемые граждане, точно так же болеющие за благо родной страны...

Подавляемое большинство – хотелось мне сказать. Но не стоило.

– Вы мне, Белкин, этот жалкий лепет бросьте! – встопорщила перья кураторша. – Вам тут не старое время, не путинская диктатура! Московская Федерация стоит на пути прогресса и общечеловеческих ценностей, мы строим толерантное общество, в котором никому не будет позволено развращать опасными бреднями чужие умы! Мы не против веры, но вера дело глубоко личное, интимное, религия же – это институт общественный! И социальный! Поэтому общество вынуждено защищаться! Хотите верить в Бога – верьте у себя под одеялом! Ну, или в рамках зарегистрированной религиозной организации! Но эта ваша Церковь! Это же дикость, средневековье!

– Антонина Львовна, – вздохнул я, – ну мы же много раз про всё это говорили...

– И ещё будем говорить много раз, пока вы, наконец, не сделаете правильные выводы. Вот почему до сих пор не поставили подпись за Пафнутия? Приличный же человек, не узколобый, уважает общечеловеческие ценности, идет в ногу со временем...

«Венчает гомиков, рукополагает баб», – чуть не сорвалось у меня с языка. Слава Богу, удержался. А то Львовна точно понизила бы мой социальный индекс единичек на десять. «Вопиющее, демонстративное проявление нетолерантности».

– Не могу, – тихо ответил я. – Совесть не позволяет.

– У вас извращённая совесть, Белкин! – сейчас же взвилась кураторша. – Почему-то она, эта ваша совесть, позволяла вам совершать психологическое насилие над сыном! Ещё немного – и вырос бы такой же тёмный религиозный фанатик. Вовремя ювеналы спохватились...

Вот это действительно был удар ниже пояса. Несколько секунд я сдерживал дыхание. Нельзя! Нельзя ничего сейчас возражать! Для Кирюшки это будет только хуже.

Антонина Львовна задумчиво взглянула на круглые часы над косяком двери. Похоже, уложились в норматив. И запись, если что, подтвердит, как ревностно она относится к служебным обязанностям.

– Короче, Белкин, – закруглилась она, – подумайте над своей жизнью и сделайте правильные выводы. Перестройте своё сознание, избавьтесь от экстремизма, сделайте полноценным членом общества. И всё у вас наладится. В следующий раз явитесь... – она пощёл-

кала клавишами, – явитесь четвёртого ноября, в 16.30. Талон возьмёте в регистратуре. Всё, свободны.

И она нажала кнопку. Там, в коридоре, механический женский голос вызвал очередную ритуальную жертву толерантности.

Выйдя из-под козырька здания, я сразу попал в плотный серый дождь. Видимость – не больше десятка метров, и спустя несколько шагов Центр контроля социальной лояльности растворился, как сахар в чае.

Когда я нырнул в провал метро, сухой нитки на мне уже не было. Ну, хоть то хорошо, что в бытовке можно будет принять душ и переодеться в рабочую униформу. Профсоюз надзирает за удобствами.

3.

Солнце, расплескавшись в цветных стёклах витражей, рисовало на гранитном полу цветы: алые, васильковые, пурпурные. Казалось, это не пол, а поле – дикое, никогда не знавшее плуга и бороны, взошедшее после обильных весенних дождей всяким разнотравьем.

Сколько я ни сидел здесь, в Палате Милосердного Суда, всякий раз удивлялся: до чего ж талантливые мастера её строили! Ей больше двухсот лет – но она вовсе не выглядит чем-то древним... не то что имперские замки, возведённые до эпохи Вторжения. Даже отремонтированные, приведённые в полную боевую готовность, они всё равно навевают мысли о седой старине, о пыли веков, о песнях, которые большей частью забыты. Да и свитков того времени осталось всего несколько штук... Я вспомнил прохладные светлицы в библиотеке собора апостола Павла – там эти древности хранились в особого изготовления шкафах, недоступные ни влаге, ни жучкам, ни, разумеется, вездесущим крысам.

Я любил там бывать – в тишине, настолько плотной и густой, что любое слово, казалось, должно завязнуть в ней, точно ложка в сметане. Жаль, удавалось редко.

– Начнём, пожалуй, отцы и братья? – негромко сказал владыка Дионисий. – Вроде все в сборе?

Нагнувшийся над его ухом секретарь подтвердил, что да, собрался весь состав.

Мы поднялись с жёстких кресел (специально такие поставили, чтобы не уснуть ненадолго) и хором спели «Царю Небесный», затем «Достойно есть» и, традиционно, «Да воскреснет Бог». На заседаниях Святой Защиты – совершенно нелишняя предосторожность. Когда я, молодой и зелёный, только начинал службу в защите – мне рассказали историю о том, как благодаря пению «Да воскреснет Бог», этой главной бесогонной молитвы, удалось разоблачить оборотня, принявшего облик одного из членов состава. Не знаю уж, правда оно или нет, но вполне могло быть правдой.

Затем, по знаку секретаря, в залу ввели отца Евгения. Как и положено, в сером подряснике. Отсюда он уйдёт или в белом – если будет оправдан, или в чёрном, если Милосердный Суд установит всё-таки его вину.

Был отец Евгений довольно молод, худ и невысок. Борода у него росла плохо – какие-то слабо соотносящиеся друг с другом пряди, а не борода. Усов не было и вовсе, волосы он перевязывал на затылке, а длинные тонкие пальцы всё время тискали друг друга. Меня ещё мой первый наставник, брат Николай, учил: хочешь понять, что у человека на душе – смотри не в глаза, а на пальцы. Можно умело врать, можно не моргнув глазом услышать ужасное – но движение пальцев всегда выдают волнение и ложь.

Стражники поставили обвиняемого на каменное возвышение и незаметно удалились. Владыка Дионисий дождался полной тишины и начал:

– Отцы и братья. Мы собрались сегодня здесь, чтобы рассмотреть дело иерея Евгения, настоятеля Крестовоздвиженской церкви города Листопада. Против него высказаны были серьёзные обвинения, и обвинения эти наши братья изучили весьма внимательно. Мы должны сейчас выслушать их, выслушать и самого отца Евгения, а далее решить, что следует предпринять для блага Церкви, Империи и самого обвиняемого. Помните, что суд наш – милосердный, и что об одном кающемся грешнике Господь радуется больше, нежели о девяносто девяти, не имеющих нужды в покаянии.

Затем встал брат Герасим, которому по жребию выпало быть сегодня обвинителем.

– Отцы и братья! История вопроса такова. Полгода назад одна из прихожанок отца Евгения обратилась в листопадское отделение Святой Защиты не то чтобы именно с жалобой, но с недоумением. По её словам, отец Евгений в проповедях учит, что прощения достойны лишь те, кто раскаялись в своих злодеяниях. Нераскаявшихся же, пребывающих в

злостном упорстве, прощать никак не следует, ибо таковое прощение оказалось бы не только ложью, недостойной христианина, но и принесло бы вред самому прощённому – тот лишь уверился бы в своей безнаказанности. То же самое отец Евгений говорил своим духовным чадам и на исповеди, когда те просили у него пастырских советов, как поступить в тех или иных житейских перипетиях. Поскольку по правилам Защиты, те служители, которым надлежит выяснять обстоятельства дела, не вправе самопроизвольно выносить богословские заключения, мы послали запрос в Свято-Успенский монастырь, к игумену Роману, известному всем как непревзойдённый богослов. Зачитываю послание отца Романа.

Брат Герасим поднёс бумагу почти к самым глазам и глухо заговорил:

– Мнение, будто прощать следует лишь раскаявшихся грешников, глубоко противно христианскому вероучению, ибо Господь наш Иисус Христос ещё до Своей смерти на кресте сердечно простил каждого из нас, невзирая на меру грехов и укоренённость в них. «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят» – говорил он, умирая, о Своих распинателях-римлянах. Как знаем мы из Писания, те и впрямь большей частью, за исключением благоразумного сотника Лонгина, не осознавали свой грех, но, тем не менее, Господь простил их. «Любите врагов ваших», призывал Он во дни земной Своей жизни, а как же возможно любить врага, не простив его предварительно? Ведь что есть прощение, как не изменение состояния своего сердца? Своего, а не чужого! Если мы не будем прощать упорствующих во грехе, то вызовем у них лишь ожесточение, что никак не приблизит их к покаянию. Что же касается наказания уличённых преступников, то это дело царской власти, а никак не подданных, и потому ложно мнение, будто прощение всех и вся приведёт к уничтожению закона и торжеству безнаказанности. Мы должны безусловно прощать согрешивших против нас, а как быть с согрешившими против государя, права и Господа Бога, решать слугам царским. Да и тем надлежит наказывать преступников со всем возможным снисхождением, простив их в сердце своём, творя свой суд без гнева и пристрастия. Посему речи, изложенные в прочитанном мною донесении, суть опасная ересь, сбивающая с толку простых людей. Роман, игумен Свято-Успенского монастыря близ Белых гор, седьмое августа года две тысячи пятьдесят шестого от Рождества Господа нашего Иисуса Христа.

– Что скажете, отцы и братья? – обвёл нас взглядом владыка Дионисий. – Есть ли у кого-то вопросы, сомнения, пожелания?

У меня были вопросы. Подняв, как положено по уставу, серебряный клинок, я заговорил:

– У меня вопросы к отцу Евгению. Вопрос первый: говоря со своими прихожанами о прощении, что имели вы в виду: внутреннее состояние души или внешние действия по отношению к прощаемому? Вопрос второй: прощает ли он сам ту свою прихожанку, которая обратилась со своими недоумениями в Святую Защиту? Вопрос третий: если окажется, что Милосердный суд примет всё же неблагоприятное для отца Евгения решение, считает ли тот, что нам, членам суда, следует его простить?

В переводе на обычный язык я сейчас сказал молодому батюшке: пацан, ты наворотил глупостей. Признай это – и никто тебя не обидит. Не лезь в бутылку!

Но он именно что в бутылку и полез. Когда владыка Дионисий предоставил ему слово, тот выпрямился и голосом звонким, точно первая струна, заявил:

– В том, чему я учу своих прихожан, ни малейшей ереси нет. Прощение – это не лицемерные слова, не один лишь отказ от ненависти ко грешнику, а подлинное дело, подлинное участие в его жизни. Украли, допустим, у тебя хлеб – ты, если прощаешь вора, не только должен избавить его от мирского наказания, но и принять его в свою душу, разобраться, отчего он ворует. Ежели бедствует он – помоги ему, последнюю рубашку с себя сними, а помоги. Из удалства и лихости украл он – исцели его душу от сего греха своею любовью и вниманием. Стань ему братом, сыном или отцом. Вот что такое истинное прощение. Но что

толку так вести себя по отношению к нераскаянному грешнику? Нераскаянный, он оттолкнёт твоё участие, посмеётся над твоей милостью, растопчет твою любовь. И тем самым введёт самого себя в ещё более тяжкий грех, а тебя – в гордыню, ибо, сделав вид прощения, сочтёшь ты себя совершенным. Нельзя толковать прощение так, как делает это старец Роман, никак нельзя! Нераскаянного спасают строгостью, а не любовью.

Вот так, – грустно подумал я, – и роют себе яму.

Больше вопросов ни у кого не возникло. Что тут спрашивать-то? И что делать с ослиным упрямством, когда оно исходит от человека в сани?

Так и вышло. Когда секретарь извлёк из кувшина опущенные нами шарики, белых оказалось только два, серых – один, а чёрных – девять.

– Что ж, иерей Евгений, – огласил приговор владыка. – Поскольку ересь ты проповедуешь несомненную, покаяться в ней не желаешь и явно намерен и далее проповедовать её неискушённым людям под видом учения церковного, то надлежит нам сие пресечь. А потому постановляем: раба Божьего Евгения извергнуть из священного сана и поместить в темницу Святой Защиты до исправления. По исправлении же, буде таковое произойдёт, выпустить его на волю, но в мирянском чине. Быть по сему!

А ведь когда-то, подумал я, за такое могли бы и на костёр отправить. В той, старой Византии. Но к хорошему привыкаешь быстро – вот и нынешний приговор кажется молодому батюшке жестокость.

Да и не только ему. Интересно, кто был тот второй, опустивший белый шар?

4.

– Сильно устал? – Лена обхватила меня за плечи и смешно дунула в лицо.

– Как обычно, – я не был сейчас расположен к нежностям. Отстранив ее руки, прошёл в ванную, пустил струю холодной (пусть счётчик вертится, плевать!) и, присев на край ванны, застыл соляным столбом. Ничего сейчас не хотелось – ни Лениных котлет с луком и яйцом, ни постели, ни даже R-подключения. Всё стало пусто, серо и бессмысленно. «Господи! – тихо сказал я, – заberi меня отсюда! Ну не могу уже!».

Наверное, нужно было помолиться нормальным образом, а ещё лучше – прочитать вечернее правило, всё равно же сейчас пожую – и на боковую, ни на что иное сил не осталось. Но думать о вечернем правиле было тяжко. «Есть такое слово – надо», вспомнилась армия, казарменные поучения сержанта Епифанцева. Любил тот наставлять молодых. Эх, армия... Там, по крайней мере, всё было понятно. Есть правила игры, и дуй вперёд. А вот когда никаких правил, когда любая полянка может превратиться в трясину, а из любой лужи вырасти скала... И почему я не родился в прошлом веке?

Вечно так сидеть было нельзя, да и воду жалко. Копеечка к копейке... Я встал и направился на кухню, навстречу котлетам.

Лена, как выяснилось, ждала меня, не притрагивалась к ужину. Тоже какая-то вся блёкая и серая. Волосы схвачены синей резинкой в пучок, на глазах старомодные очки – контактных линз она боится почти так же, как и лазерной коррекции.

Мы перекрестились на икону, я скороговоркой прочитал молитву перед едой. Неистребимая привычка, с детства. Кирилла это раздражало дико. Особенно если друзей приводил.

– Ну как прошло сегодня? – осторожно спросила она, накладывая мне макароны.

– Как-как... – устался я в белую клеёнку стола. – Всё так же... будто сама не знаешь. Мотают нервы... для того и придумано.

– Я надеюсь, ты не выступал там? А то ведь индекс понизят...

– Не учи ученого, – я так сдал вилку, что слегка погнул. – И так противно, словно дерьма наелся, а тут ещё твои наставления.

– Саша, успокойся. Ешь котлеты, они вкусные, – Лена сидела напротив меня, подперев ладонью впалую щёку, и смахивала на жареную рыбу.

– Да, вкусные, – сухо подтвердил я, хотя сейчас мне что котлеты, что рубероид – всё было едино.

– Мне сегодня Юрченкова звонила, из Ю-Центра, – сообщила Лена. – Говорит, у твоей справки по зарплате кончился срок. Сейчас ведь октябрь уже, а ты в августе брал.

– Завтра новую возьму, – кивнул я.

– Саша, не спи! – Лена смотрела на меня самым неприятным взглядом, на какой только способна: взглядом кролика, гипнотизирующего удава. – Ты слышишь меня? Надо же, в конце концов, что-то делать!

– Ты о чём? – я притворился, будто не понял.

– Я про Кирилла! – в её голосе послышались звенящие нотки. – Суд 14-го ноября, а мы с тобой даже не чешемся!

Я отодвинул тарелку с недоеденным.

– А как, по-твоему, следует чесаться?

– Адвоката нанять, – завела она старую шарманку. Ну, пойдёт сейчас по новой...

– Интересно, на какие шиши? Тебе напомнить, сколько стоит день адвокатской работы? Напомнить, сколько на картах лежит у меня и у тебя? Даже если всё выскребем, хорошему адвокату это будет совсем не интересная сумма. А плохой адвокат однозначно бесполезен. Я не уверен даже, что и хороший чем-то поможет. Сама видишь, что творится в стране!

– Это не вчера началось! – она добавила в голос металла. – Надо было заранее готовиться. И уж во всяком случае не подписываться на десятину!

– Ага-ага! – взвился я. – А кто мне плешь проедал, что будет стыдно в храме людям в глаза смотреть? Кто бегал советоваться к отцу Алексию? Как будто непонятно, что он насочетует...

Лена собрала тарелки со стола и громко сгрузила в мойку.

– Саша! Ну что ты вертишься, как уж на сковородке? Надо что-то делать! Иначе у нас ребёнка отберут, насовсем! Ты что, не понимаешь?

Я понимал. Очень хорошо понимал. День шестого сентября... чёрный день календаря.

Погода стояла совершенно летняя, солнышко светило, птички пели. Мне, впрочем, было не совсем до птичек... пока на основном объекте мудохались с фундаментом, нашу бригаду поставили на другой дом, тянуть встроенную электрику. И Ленин звонок был совсем уж некстати.

– Саша! – слова её шелестели в трубке точно пожухлые листья, какими они станут к ноябрю. – Кирилл пропал!

– Как пропал? – не понял я. – В каком смысле пропал?

– В прямом! Не вернулся из школы! Он же всегда до трёх приходит и отзванивается! А тут уже шестой час! Я всё время ему набираю, но «абонент не может с вами связаться». Я позвонила Зинаиде, его классной, та не берёт трубку. Другьям его звонила, ну, Гошке и Рашиду, они не в курсе. Говорят, никуда сегодня не собирались, после уроков домой все пошли, и он тоже.

В животе у меня похолодело, но я изобразил голосом бодрость.

– Ленка, не вибрируй. Пацану двенадцать лет, начинается подростковый возраст с его закидонами. Мало ли куда намылился! Ну вот представь, что надоело ему тебе доклады-ваться о каждом шаге! Ничего, есть захочет – вернётся. Всё будет нормально!

Оказалось, всё ненормально. До десяти вечера мы вибрировали, потом Ленка отправилась писать заявление в полицию. Конечно, без толку – толстый усатый капитан доходчиво объяснил, что таких загулявших мальчиков после двенадцати лет – табуны, и что если всех искать, то когда преступностью заниматься? Мало ли где он сейчас развлекается! Короче, согласно внутренней инструкции за таким-то номером, если ребёнку больше двенадцати, то заявление регистрируют только на четвёртые сутки пропажи.

Мы до часу ночи бегали по окрестностям, номер кирюшкиного мобиляника я поставил на непрерывный дозвон. Думал, мы оба помрём этой ночью. Ну или по крайности один из нас. Выжили, однако, оба. На таблетках.

В семь я позвонил Григорьичу, объяснил ситуацию и выпросил отгул в счёт отпуска. Лене звонить в свой офис раньше десяти не имело смысла. А в девять пятнадцать зачирикал её телефон. «Гражданка Белкина, вам вместе с мужем надлежит явиться сегодня к десяти ноль-ноль в окружной Ювенальный центр, по поводу вашего сына Белкина Кирилла Александровича. В кабинет 17. При себе иметь социальные карты!»

И отбой.

Как мы по пробкам добирались до этого Ю-Центра – отдельная песня. И лишь одну грело душу: значит, всё-таки жив. Иначе звонили бы из другого учреждения.

В кабинете 17 нас приняла поджарая тётка в дымчатых очках и искусственной седине. Оказалось, 3-го сентября у Кирилла в школе проводили плановое ювенальное тестирование, и результаты теста выявили, что ребёнок подвергается дома психологическому насилию. 73 балла из максимальных ста по шкале Брундукова-Сайченко. Поэтому решением окружной комиссии ребёнок был изъят вчера из школы по завершении уроков и помещён в центр временного содержания проблемных детей. Он сейчас находится в комфортных условиях и нам не о чем беспокоиться. Дальнейшую его судьбу определит городской ювенальный суд. Кото-

рый исходит из подлинных интересов несовершеннолетнего, а вовсе не из отживших стереотипов. Если нам, родителям, удастся доказать, что достойны воспитывать своего мальчика, то суд не станет разрушать семью. Если же тщательная проверка выявит негативные факты, ребёнок будет отдан приёмным родителям, а против нас с Леной возбудят дело по статье 139 Ювенального кодекса Московской Федерации. До суда видаться с ребёнком мы не можем, дабы не травмировать его хрупкую психику.

– Сами виноваты! – изрекла псевдоседа. – Насиловали детский мозг экстремистской версией религии, насаждали в нём нетерпимость, поститься заставляли, подвергая, между прочим, растущий организм огромной опасности. Заключение экспертов-медиков будет, не сомневайтесь. Запрещали даже самые невинные удовольствия вроде R-подключения, препятствовали детской половой дружбе... А уж если выяснится, что применяли физические наказания – тогда лишение без вопросов и уголовное преследование. До пяти лет, между прочим!

Дальнейшее противно вспоминать. Лена вспыхнула, будто бензином политая, начала орать на инспекторшу, а потом и вовсе обмякла и хлопнулась бы на пол, не успей я выставить ладонь.

– Вот, дополнительное доказательство, – расплылась псевдоседа в псевдоулыбке. – С такими нервами – и ребёнка воспитывать! Ну, знаете ли!

...И потянулись пустые дни. Поначалу я ещё на что-то надеялся, но после разговора с духовником, отцом Алексием, понял: бесполезно.

– Вы, Александр, – твёрдо сказал он, – не первый такой. И то, что произошло – оно неслучайно. Неслучайно это именно с вами... точнее, с нами, с церковными людьми. Нас вытесняют из мира... не как в прошлом веке, не расстрелами и тюрьмами... а в духе времени. Я того же боюсь, прямо уж скажу... моей младшей, Прасковье, ещё пятнадцать. Захотят меня раздавить – и в пять минут окажусь психологическим насильником. Только в нашем приходе уже несколько случаев было. Вы разве не знали? Я больше того скажу, тут и политика замешана. В январе ведь Собор, и сами знаете, кого они... – он взвёл очи горе, – хотят протащить в патриархи. Так что крепитесь. И не забывайте молитву. По человеческим раскладам, дело тухлое, но Господь-то с нами, а не с ними...

Я, конечно, звонил Деду, но он ничем не обнадёжил. Разве что пообещал молиться усиленно. Конечно, молитва у него железобетонная, это общеизвестно, но вот уже полтора месяца – а сдвигов никаких. В чудодейственного адвоката мне, в отличие от Лены, совсем не верилось. Это ж не обычный суд, а ювенальный, там прения сторон – не более чем декорация, а всё решается за закрытыми дверями.

– Саша, – выдернула меня в реальность Лена, – ты должен что-то предпринять! Именно ты! Ты ж глава семьи, муж! А ты полтора месяца сопли жуёшь!

– Пойди туда, не знаю куда, – огрызнулся я. – Ну что, что ты мне предлагаешь сделать? Написать челобитную президенту? Отдаться судье Таволгиной?

– Ты бы с папой связался, – тихо заявила она. – Я всё, конечно, понимаю, но Михаил Павлович – не последний человек там... – она ткнула пальцем в потолок. – В конце концов, речь идёт о его внуке...

Вот умеет она так сказать – и чувствуешь, будто таракана съел.

– Хватит, Лена, – я отодвинул чашку со слишком горячим чаем. – Не говори глупости. Ты же прекрасно знаешь: после самарского дела мы для него не существуем. Ни мы, ни Дед. Он стыдится такого родства. И ничем помогать не станет. Прин-ци-пи-аль-но! – передразнил я любимое папино словечко.

– А ты всё же попробуй, – пёрла она как танк. – Не может быть, чтобы если не к нам, то хоть к Кирюшке у него не было никаких чувств. Голос крови всё-таки...

– Девять лет этот голос дрых, с какой стати ему сейчас проснуться? – во мне медленно закипала ярость. – Да и кроме того, он давно блокировал все возможности с ним связаться.

– Напиши по почте, – парировала Лена. – По старой почте, бумажной. На адрес Департамента.

– Ему мешки таких писем от граждан каждый день приходят, – вздохнул я, удивляясь её тупости. – Но дальше старшего помощника младшего секретаря ни одно не проскочит. Но пусть даже и так. Допустим, он прочтёт. И даже не выкинет. И даже вмешается! Ты догадываешься, чего он потребует взамен?

– И что? – её ещё недавно бледное лицо сейчас побагровело. – И тебе жалко поставить эту несчастную подпись? Ради Кирюшки!

– Ты что? – у меня дыхание перехватило, я сейчас не говорил, а шипел. – Ты соображаешь? Ты мне что предлагаешь?

– А я думала, что ты любишь сына! – лоб её вспотел, как тогда, в 17-м кабинете. – Думала, что тебе его судьба дороже дурацких принципов! Ну что изменится от этой подписи? Всё равно же они протащат Пафнутия, даже если мы все за Даниила проголосуем... Ты что, маленький? Ты не понимаешь, как это делается?

– Я, может, и жую сопли, но по крайней мере я не предатель! – выдавилось из моего пересохшего горла.

– Ты не предатель? Это ты – не предатель? – зазвенела она. – Да ты трижды предатель! Ты сейчас сына предаёшь, меня предаёшь, семью нашу предаёшь! Из-за своего тупого упрямства! Ты всегда был такой! Эгоист! Ты красивыми словами прикрываешься, Богом прикрываешься, а на самом деле просто никого не любишь! Любил бы – так хоть что-нибудь сделал бы! – она выдержала драматическую паузу и тоном ниже добавила: – Между прочим, я сегодня поставила эту подпись... но нужно, чтобы и ты. Мы ж семья...

– Ты... – у меня перед глазами заплескали цветные точки. Нехороший признак. – Ты... поставила... за Пафнутия?

– Да мне хоть за Папу Римского! – выдала она. – Лишь бы Кирюшку вернули!

Дальше было плохо. Кажется, я плеснул ей в лицо горячим чаем. Кажется, я громыхнул входной дверью. Кажется, я решил сюда не возвращаться.

Но вернулся в третьем часу ночи. Мокрый, пьяный и никакой. А в половину седьмого надо было вставать на работу.

5.

– Останешься тут! – не слушая гневных Илюшкиных воплей, заявил я. – Сто раз уж сказано было, почему. Лошадей вон стереги, а то неровен час...

– Почему? – в сто первый раз проворчал Илюшка. – Я ж копьём доску в три пальца пробиваю! Я в полном доспехе сто пятьдесят раз приседаю! Я гвозди могу узлом завязать! А ты, брат Александр, не можешь, между прочим! И вообще, разве я не должен тебя охранять!

– Остынь, малой, – я слегка съездил ему по загривку, очередной раз отметив про себя, что парень-то уже на полголовы меня выше. А скоро и на всю голову будет. – Рано тебе на оборотня идти, тут не сила нужна и не доспех. Этому долго учатся, много лет. Дух упражняют, а не тело. А ты? Ведь не читал же сегодня утреннее правило! Да не мычи ты, знаю, что не читал!

Солнце жарило, я истекал потом под бронёй, да и остальные наши тоже мучились. Но идти в логово, не защитившись освящённым серебром, никак не следовало. Серебряные кольца кольчуги (за такую кольчугу, пожалуй, богатое село можно купить), конечно, полную безопасность не гарантировали. Но серебра эти твари не любят, а серебра, омоченного крещенской водой и укреплённого молитвами аввы Евстафия – тем более. Остановить не остановит, но силу удара снизит более чем вдвое.

Наших было немного – два десятка всего. И это не радовало – люди бы сейчас ой как пригодились. Но вчера пришлось пятерых отправить в Белополь – там обнаружилась то ли ведьма, то ли жертва оговора, брат Максим взял с собой в Гнилорожье десяток – там уже третий месяц шалил упырь, а крестьяне до последнего мялись и жались, не посылали гонца в Защиту. А ещё ведь немало людей занято в одиночном поиске – бродят по Криволесью, ловят неуловимого Философа...

– Поверь, брат Александр, это важнее, – мягко увещевал владыка Дионисий. Грузный, седой, тяжело дышащий, он был похож на старинный, как до Вторжения, самовар – такие порой ещё можно встретить в деревнях северян.

– Владыко, – морщился я, – никак не могу с вами согласиться. У нас тут просто какая-то эпидемия нечисти, безумство просто... за полгода уже сто пятнадцать вызовов, из них семьдесят восемь подтверждённых. Каждый человек на счету... А Философ... Ну что Философ... Я понимаю, какой вред от упыря, какой от ведьмы. Ну ладно, будь он классическим еретиком, искажающим учение Церкви – тоже можно понять. Но тут... Ходит какой-то невнятный дядька, произносит какие-то невнятные речи. И это – ужас-ужас-ужас?

– А исчезнувшие? – напомнил мне епископ и поправил оплывшую свечу. Тут же колыхнулись в поставце остальные, и заплесали на белёной стене кельи огромные чёрные тени. Как-то неуютно мне стало, вспомнилось прошлогоднее пещерное дело.

– Исчезнувшие... – усмехнулся я. – А кто может поручиться, что они действительно исчезли? Может, сбежали, дабы не платить подати? Как доказать, что даже если в самом деле исчезли – то из-за поучений Философа? Сами ж знаете: после того – не значит вследствие того.

– Брат Александр, – под внешней мягкостью владыки чувствовалась сталь, – просто попробуй мне поверить. А я тебе говорю, что Философ – это страшнее тысячи упырей. В некотором смысле это угроза самому существованию... не только Империи. Невнятный дядька... хорошо ты сказал. А теперь представь, что он нечто вроде бобра, подгрызающего корни дуба. А дуб – это сама жизнь. Я не могу тебе всего объяснить, и не только потому что во многом знании много печали. Просто есть вещи, о которых и мне запрещено разглашать. Так что бери сколько там у тебя осталось – и сделай мне этого оборотня поскорее. Князь Алексей уже всю плешь проел, – постучал он себя по темечку, на котором и намёка

не было на лысину. Мне бы так в семьдесят шесть. – Надеюсь, трёх дней тебе хватит. А как вернёшься – все обычные дела спусти на брата Георгия и занимайся только Философом!

Но пока что заниматься приходилось оборотнем. И ладно бы обычным, волком или медведем. Тут, в селе Малые Праздники (вот уж названьице, и кому только в голову пришло?) завелось нечто куда более редкое. Крестьяне, отродясь не покидавшие родной земли и не бывавшие дальше ярмарки в Загорелье, называли это полосатым котом. И добавляли: «Только поболее коровы будет!». О тиграх никто из них, разумеется, и не слышал... А между тем тварь пристрастилась к человечине. Пятеро детишек от двух до семи лет, старуха Аграфена, бортник Паисий, молодой парень Венька – ему неделя оставалась до свадьбы... Ну, скотину даже и не считаем, скотина – дело наживное.

А третий день, отпущенный владыкой Дионисием, уже истекал. Завтра с утра мне надлежало представить на серебряном блюде голову чудовища. И лучше уж в зверином облике... как-то оно правильнее будет.

Пока что особыми успехами я похвастаться не мог. Два дня ушло на бестолковую беготню по окрестностям и бестолковые беседы с крестьянами, которые, конечно, все набивались в очевидцы, но большинству просто хотелось почесать языками перед новыми людьми. А проявлять строгость я не мог: стоит высечь одного явного вралю – и остальные замкнутся, даже те, кто реально что-то видел. Приходилось тратить драгоценное время и выуживать крупницы золота в тоннах пустой породы.

И всё-таки выудили – восьмилетняя девчушка, сестра одного из сожранных малышей, вспомнила, в каком направлении удирала тварь. А сопоставив это с картой местности, мы уже смогли вычислить логово. Конечно, очень приблизительно, с точностью до мили. Дальше пришлось уже пользоваться освящённой лозой. Чем ближе мы подбирались к логову, тем сильнее дёргались ореховые прутья. Метод, конечно, спорный – некоторые авторитетные отцы полагали, что сие отдаёт магией – но действенный.

Теперь оставалось выкурить тварь из её берлоги – и молиться, чтобы та не ускользнула в какой-нибудь тайный выход. Мы, конечно, очертили святой круг, и с запасом, написали смертоносные для нечисти имена – но что, если подземный ход слишком длинный и выбирается на поверхность далеко за пределами круга?

Нам, впрочем, повезло. Наконец-то повезло за все эти дни. Едва только братья Иоанн и Артемий бросили в чёрное жерло чадающие факелы – из редкого южного дерева, дающего нестерпимый для зверья дым – как послышался возмущённый рёв.

Я подобрался поближе, махнул рукой бойцам – страхуйте, мол, и вынул из ножен длинный, слегка изогнутый меч.левой же рукой держал серебряный крест. Не одно сработает, так другое.

Она выскочила. Куда больше, чем я думал – пожалуй, две полных сажени. И в самом деле тигр, только белый. И невероятно – не только не по-человечески, но даже и не по-звериному – быстрый. Причём не только телом, но и разумом. Тварь безошибочно вычленила самое слабое звено в нашей редкой цепочке – брат Пётр. Молодой защитный, немногим старше оставленного при конях Илюшки, он прошёл, конечно, обучение и в паре-тройке операций был на подхвате, но стоять в боевом строю ему довелось впервые. То ли зверь уловил запах страха, то ли сопряжённый с ним демон указал направление – но вот уже брат Пётр барахтается на траве, бестолково пытаясь задеть оборотня копьём. Учили же парня, что на близкой дистанции пика дура, а меч молодец! Урок, однако, не пошёл впрок, и вот уже когтистая лапа рвёт с его головы шлем.

Все эти подробности я видел уже на бегу. Спасибо суровым наставникам, я тоже умею двигаться быстро... не как оборотень, конечно, но явно побыстрее обычного человека.

Вот уже оскаленная морда в локте передо мной. Огромные клыки – пожалуй, вершка по четыре будут. Выкаченные жёлтые глаза с вертикальным зрачком, полные не звериной, а

вполне человеческой ярости, прижатые уши с крошечными, смешными кисточками. И усы – длинные, белые, дёргающиеся прямо как поисковая лоза в руке у брата Антония.

Я ударил мечом. Не наотмашь – не было уже пространства для замаха, а ткнул вперёд, стараясь зацепить глаз. Частично мне это удалось, но клинок не пошёл вглубь черепа, а скользнул по кости и уклонился вправо. Тут же я обнаружил себя на спине, а залитую кровью морду – прямо над собой. Правую руку пронзила дикая боль – должно быть, её рвануло когтями.

Но левая, с крестом, была в порядке – и я, собрав все оставшиеся силы, вставил крест прямо в раскрытую пасть – заклинив челюсти. По тигриной шкуре прошла судорога – освящённое серебро начало оказывать действие. Но если пасть оборотня временно была выведена из строя, то когти – те оставались вполне дееспособными.

И тогда я понял, что время пришло. Время не металла – пускай и вобравшего в себя благодать, а подлинного духовного оружия. Того, что не против плоти и крови.

Не обращая внимание на боль, я закрыл глаза и медленно, чётко и внятно стал читать слова тайной бесогонной молитвы, которой научил меня авва Евстафий. Каждое слово представлялось мне молнией, вонзающейся в чёрное, смоляное море зла. А все вместе они были грозой – очистительной грозой, выжигающей из тварного мира то, чего никак не должно в нём быть.

Я не сразу заметил даже, что чудовищной тяжести, пригвоздившей меня к земле, больше нет. Ничто, кроме боли в правом предплечье, не мешало мне подняться.

Ко мне уже бежали остальные. А я, опираясь на меч точно на посох, стоял над гибким, худеньким телом девушки. На вид ей было не более шестнадцати. На пять лет меньше, чем брату Петру... чем лежащему с вырванным горлом в луже тёмной крови брату Петру – чей первый бой стал и последним.

Илюшка, самовольно бросивший лошадей (получит ещё за это по полной), давясь слезами, заматывал мне чистыми тряпками руку. А я, указав на бывшую тигрицу, хмуро сказал: – Подвигов тебе хотелось? Что ж, начни с малого. Отсеки ей голову.

Самому мне этот подвиг был сейчас не под силу. И вовсе не из-за разодранной руки.

6.

Ноябрь выдался на удивление сухим и тёплым. Да, облетели уже листья, да, рано утром лужи похрустывали льдом – но густо-синее небо, но солнечные блёстки, но плюс восемь днём... Только вот я понимал: чем ласковее сейчас природа, тем злее она станет совсем скоро. Собирает силы, готовится к бою.

С Леной у нас было ровно. То есть – никак. Мы, не сговариваясь, стали друг с другом вежливы, но оба понимали, что такая вежливость маскирует пустоту. И что другой это понимает – тоже понимали. Молча.

Лена старательно готовила мне завтраки и ужины, гладила рубашки и задавала дежурные вопросы о самочувствии. О приближающемся 14 ноября не говорили – без толку. Я старался ухватить дополнительные работы – объяснял тем, что сейчас каждая копейка нелишняя, мало ли какие непредвиденные расходы случатся. Но сам-то понимал, что это законный повод пореже мелькать дома. Спали мы теперь порознь, и у Лены был благовидный предлог – что-то неприятное по женской части. Выспрашивать детали я постеснялся, главное, что не смертельное, а просто неприятное. Зато теперь хватало времени на R-подключения, тем более, что после полуночи вдвое дешевле тариф.

А потом было 7 ноября. Тоже чёрный день календаря, хотя чернота оказалась полегче сентябрьской. Как-то с утра всё не заладилось. Попал в поток, как выражается Дед. Сперва, спешно поглощая завтрак, облился чаем, пришлось срочно менять брюки – и терять драгоценные минуты. Потом меня крутило и мяло толпой в метро. Как итог – лишился нижней пуговицы на куртке. А едва вышел из метро – на меня напала ворона. Спикировала откуда-то сверху – и от всей своей вороньей души клюнула в макушку. Спасибо, что не в глаз, да и кепка смягчила удар. Хотя всё равно больно.

Впрочем, это всё были мелочи, а по большому началось уже на работе. Бригада наша спешно клала плитку в квартирах объекта. Обычный наш аврал – сдача через две недели, а тут ещё кот не валялся, как заметил Григорьич. Он-то меня и дёрнул уже под конец дня:

– Михалыч, слушай, тут такое дело... Короче, загляни ко мне в бригадирку, разговор есть.

Бригадирка Григорьича – это крошечная комнатуха два на два метра, отделённая фанерной стенкой от остальной бытовки. Вмещаются туда письменный стол, стул, табуретка для посетителей, ну и сам Григорьич.

– Садись, Михалыч, – гостеприимно повёл рукой бригадир. – Тут, знаешь, дело такое... Короче, этот объект мы скоро сдаём. Ясен пень, 20-го не сдадим, дай Бог хоть к декабрю, но это ладно. Короче, мне Сокольников сегодня скинул инфу по новому объекту. Мощный объект, серьёзный. Коттеджный посёлок для работников главного управления МВД – не хухры-мухры! Ну, ясен пень, не для самих министров и не для замов, для помельче, но тоже уровень! И смета очень приличная. Даже с учётом всех интересов – приличная. Но...

Он замялся, не зная как продолжить. Сунул палец в ухо и занялся раскопками.

– Но какое «но»? – убил я затянувшуюся паузу.

– Да понимаешь, такое дело... Даже не знаю, как сказать. Короче, раз объект такой серьёзный, то у них и требования большие... в том числе к кадрам. Это ж МВД, они ж за свою безопасность трясутся... за нашу бы так тряслись. Одним словом, они данные изучили, по нашей штатке. И говорят, некоторые позиции у них сомнения вызывают. В плане надёжности.

– Говори проще, Григорьич! – я уже смекнул, о чём речь. – Они думают, что я, как православный фанатик и потенциальный террорист, бомбу им засуну между перекрытиями?

Григорьич облегчённо вздохнул: я снял с него тяжкий груз поиска слов.

– Ну что-то типа того. Короче, я тут не при чём. Сокольников распорядился... Приказ с первого числа. Сказал, что премиальные хорошие заплатит, плюс отпускные... Но он тоже ничего поделать не может, сам понимаешь, он ради тебя от такого объекта не откажется.

Чего уж тут было не понять...

– Всё веселее и веселее, – выдавил я. – Тоталерантность на марше. Ну ладно, из программеров меня с моим соиндексом попёрли, но чтобы со стройки... В дворники, что ли, податься? Так и туда, небось, рылом не вышел.

Григорьич посмотрел на меня сочувственно.

– Я-то что? Я полностью согласный. Не понимаю вообще, что они на вас так взъелись. Ну самарское дело, это да, это православный терроризм в натуре, но нельзя ж всех под одну гребёнку-то. Да ты не бойсь, без куса хлеба не останешься. Я тебе в мыл контактик уже сбросил, фирмочка там мелкая, ремонтируют квартиры и дачи, им толковые люди нужны. Только там не постоянка, а от заказа к заказу. На устном соглашении. У меня там шурином заправляет, скажешь, что со мной работал. Можно зашибать не хуже, чем тут у нас, если быстро вертеться, конечно. Я-то всё понимаю, да что от меня зависит-то?

– Да какие к тебе претензии, Семён Григорьевич, – усмехнулся я. – За контактик спасибо. Воспользуюсь. Всё равно на горизонте других вариантов нет.

– Вот ведь какая история тухлая вышла, – Григорьич мялся, и было видно, как ему всё это осточертело. – С тобой работать хорошо было, ты надёжный... хотя эти отлучки твои... понимаю, всё понимаю, не по своей же воле. Ты вот что, Саша... как в церковь свою пойдёшь, подай записочку о здравии рабы Божией Марины. Дочка моя, рожать будет в конце месяца. Я-то сам, если честно, не шибко верю во все эти шаманства, но чем чёрт не шутит? Хуже-то явно не будет. Она крещёная, ты не сомневайся.

– Подам, Семён Григорьевич, подам.

Ну не лекцию же ему было читать про обрядоверие!

7.

14 ноября осень всё же вспомнила, что ей пора уходить, и высыпала на город первый снег. Тихо, интеллигентно, ночью. А утром уже сияло солнце, на термометре стоял небольшой плюс, и ясно было, что скоро эта сказочная белизна сменится привычной слякотью.

А суда не случилось. Накануне из Ю-Центра пришёл казённый мейл, что заседание переносится и о его новой дате нас своевременно известят.

– Ой, не нравится мне это, – высказалась в пространство Лена. – Как бы не провернули всё задним числом, кулуарно.

– Они могут, – кивнул я и больше ничего не сказал.

Нет ничего хуже неопределённости. Она грызла и выматывала, тянула жилы и сдавливала мозги. Всё я понимал – и не понимал ничего. Как это может быть, что мы с Леной больше не увидим нашего Кирюшку? Что совсем других людей он будет называть «папа» и «мама»? Если, конечно, будет. Что с ним сейчас? Наверняка истерит... или уже не истерит, а в депрессии. И его, конечно, кормят всякими таблетками... побочные эффекты которых только считаются известными.

Я то и дело пересматривал фотоальбомы на коммуникаторе. Вот годовалый Кирюшка бодается лбом с плюшевым медведем, больше его самого. Вот он, трехлетний, резвится на берегу Вихляйки, лепит из песка что-то урбанистическое... это мы в июле сорок седьмого ездили к Деду. Вот, шестилетний, он освоил двухколёсный велосипед и лихо рассекает на даче у Лениных родителей. Пузо голое, щёки измазаны соком черники, в глазах счастье. Вот первый класс, традиционные букеты гладиолусов, непривычная ему форма, настороженный взгляд... Вот совсем недавнее фото, август. Дома, за компом, играет во что-то, полуоборот головы, недовольство на физиономии: отвлекаю. Кажется, именно в тот день, 15-го августа, мы вечером опять с ним поругались – я твёрдо запретил ему R-подключение. Как минимум до совершеннолетия. И правильно запретил – а то мы с Леной не знаем, в каких мирах тусуются его сверстники! Вот только виртуального разврата и не хватало для полного счастья! Нет уж, не детская игрушка.

...Когда зачирикал звонок, я клал в ванной плитку. Пока стянул перчатки, комм всё заливался соловьиными трелями, и я таки успел нажать приём.

– Здравствуйте, Александр Михайлович, – этот бархатный баритон был мне незнаком. – Извините, что от дела отрываю. Это вас из Центра контроля гражданской лояльности беспокоят. Валуйков моя фамилия, Иван Лукич. Старший инспектор. Вы не могли бы подъехать к нам прямо сейчас? Дело-то важное, не скрою. Постарайтесь уж как-то с начальством договориться, лады? В двести пятом кабинете я обитаю, второй этаж, от лифтов налево. Ну, жду вас.

И отбой.

Григорыча уламывать не пришлось – он и так чувствовал себя виноватым. И чем ближе было 1 декабря, тем больше. А может, не 1 декабря, а срок Маринкиных родов? Может, суевер-бригадир не шутил насчёт «шаманства»? Может, опасается, что обиженный я могу порчу наслать? Что ж, радуйтесь, господа, вот вам и прогрессивное общество, свободное от средневековой дикости...

Старший инспектор Иван Лукич на вид гляделся моим ровесником. Ростом чуть пониже, но в плечах широк, и ни намёка на пузо – гибкий, поджарый волк. Небось, фитнес всяческий. Лицо круглое, гладко выбритое, глаза как у кота, объевшегося печёнки.

Он не погнушался выйти из-за стола, крепко пожал мне руку и пригласил садиться. Не на хлипкий стульчик, как в кабинете Антонины Львовны – в нормальное, обтянутое чёрной псевдокожей кресло.

– Рад познакомиться, Александр Михайлович, – бодро начал он. – Для начала информирую вас, что теперь я ваш куратор, про визиты к мадам Плешкиной забудьте как страшный сон. Между нами говоря, Антонина Львовна – фантастическая дура. Хотя и незлая тётка. Судьба у неё сложная, в личной жизни катастрофы... впрочем, довольно о ней. Суть в том, что мы с вами можем говорить как интеллигентные люди. Я сразу скажу, что не считаю вас потенциальным террористом. Даже то, что в сорок восьмом вы подписали письмо в защиту отца Феофилакта, погоды не делает. Зря, конечно, подписали, сильно опустили себе социальный индекс, ну да ладно, с кем ни бывает... – в его глазах было искреннее сочувствие.

Да, пожалуй, мои неприятности именно тогда и начались, после подписания. Толку от письма всё равно не было – злополучного отца Феофилакта законопатили всё-таки на двадцать лет, что в его шестьдесят семь равнялось пожизненному. Впрочем, отсидел он всего ничего – инфаркт поставил точку над всем. Я до сих пор писал его имя в записках об упокоении – хотя при разговорах о его святости мне делалось кисло. Какая уж там святость, если благословил на теракт этих ублюдков, Примухина и Костюкевича! Ревность не по разуму и крутой кипятилок в мозгах, высказался тогда о нём Дед. Но всё равно злосчастного батюшку было жалко. Старенький ведь, и Бога любил. Насчёт людей – непонятно, а Бога – точно.

Но волна поднялась разрушительная. СМИ штормило, истерия росла в геометрической прогрессии, а потом уже и оргвыводы пошли. Сперва ввели систему социальных индексов, у кого индекс ниже пятидесяти баллов – пожалуйста на учёт в ЦКЛ, затем начались запреты на профессию. Поначалу это коснулось полицейских и военных, следующим ходом – журналистов, затем под раздачу угодили учителя, научники, дальше врачи, библиотекари... доказалось и до программистов. Мне ещё повезло, что руки не крюки, а будь я рафинированным интеллигентом, не способным ввинтить шуруп – пришлось бы на помойках побираться. Или, что вероятнее, нанялся бы за копейки на строительство дорог. Считаю, в рабство.

– Я не считаю, что подписал зря, – кому-то надо было нарушить затянувшееся молчание, и почему не мне? – Иначе совесть потом загрызла бы... Понимаете?

Антонина Львовна уж точно затянула бы сейчас шарманку про извращённую совесть. Но Иван Лукич оказался не столь прост.

– Понимаю, – кивнул тот. – Что ж, мы сами себе выбираем маршруты, и это правильно. Неправильно, когда человек выбрал, но отказывается платить по счетам. Но видите ли, в чём дело... я не берусь судить, что такое совесть с религиозной точки зрения, хотя кое-что почиtywал и версию насчёт голоса Божьего в человеческой душе знаю. Однако не буду притворяться: я агностик. Не атеист, заметьте, а именно агностик. Есть вопросы, на которые человеку невозможно найти ответ... а может, и не нужно. Так вот, я, как агностик, считаю, что совесть – это нечто вроде камертона, который генерирует наше сознание, и по этому камертону мы сверяем наши поступки с нашими жизненными установками. Совесть – это сигнал несоответствия. И не более того. Может, мы не правы в том, что отступаемся от принципов – а может, уродливы сами принципы.

– Например? – уточил я.

– Например, идейный коммунист в сталинское время услышал от кого-то антисоветский анекдот – и пожалел, не донёс в НКВД. А потом его грызёт совесть, что благодаря его мягкотелости вражина гадит на социализм. Или средневековый монах-инквизитор прельстился красотой юной девушки, которую невежественные крестьяне считают ведьмой – и отпустил её. А после мучится, кается. Или, если взять сравнительно недавнее прошлое, путинскую диктатуру, допустим, некий чиновник повёлся на призывы либералов и перестал брать откаты. Но это привело к разрыву всей цепочки экономических связей, и как следствие – тысячи людей остались без работы, произошёл локальный передел собственности – с рейдерскими захватами, перестрелками, кровью. И чиновника потом грызёт совесть. Хотя по

сути он же прав, откаты – зло. Я к чему это всё говорю? Присмотритесь к вашей совести. Что чему не соответствует? Поступки принципам, или принципы – правде жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.